

Парадигма и Чудовище (расследование философского разума)

“Кое кто пожалуй заметит, что вывод тут, несомненно, предшествовал “доказательствам”. Но кто же станет искать доказательства тому, во что сам не верит и в проповеди чего не заинтересован?”

Борхес “Три версии предательства иуды”

Расследование должно начинаться с истории. История, в определенном смысле, является взаимочередованием мировоззрений. Также, как невозможно представить человека без мировоззрения, невозможно представить исторический случай без мировоззренческой основы.

Можно сказать, что “первое” мировоззрение - миф - включало в себе вселенную и в нем парадигмичность(1) была выражена полностью: с одной стороны как образец, а с другой стороны как нечто стоящее рядом с мировоззрением. Тем более нужно ставить вопрос о причинах, которые обуславливают замену тотального существования этого мировоззрения другим. Исследованию подлежит то, что определяет замену мировоззрений, что вынуждает целое и всеобъемное мировоззрение к отступлению и к освобождению места другой форме.

Таковы проблемы первого ряда, возникающие при расследовании этого дела. Мифы описывают вселенную полностью. Каждый миф является определенным законом. Единство этих законов дает полное объяснение окружающей среды.

В этом определении органически включаются ритуальные исполнения мифов, с помощью которых осуществляется вселенная. Случаи, описанные в мифе без ритуала не могут осуществиться. В мифической вселенной, так, как нигде в другом месте, человек и окружающая вселенная представляют организмное целое. Один не может существовать без другого. Мировоззрение в этой среде выражается традиционностью; каждое явление есть как повторение происшедшего когда-то.

В этом гармоничном космическом мире, в этом полном и безущербном выражении парадигмичности, в котором сценарий, образец и определитель представления объединены в одном “феномене”, случается что-то, что вынуждает парадигмичность по новому обустроить мир(2).

Одна из таких явления есть трагедия.

В трагедии положение дел иное, чем в эпосе. Трагедия не является сюжетным поставом, который осуществляется взаимодействием равноправных субъектов. В трагедии сюжет и ее развитие опирается на “неадекватное” отношение протагониста со средой; среда трагедии есть обыкновенное, почти каждодневное течение, разрушаемое героем трагедии движением против обыкновенного направления. Случай, который происходит в трагедии, как ее кульминация, полностью заслуга протагониста.

Это значит, что создателем явления является один субъект, который, из за своей исключительности, стоит выше остальных действующих, и внутри сюжета является определителем и обуславливающим их судеб.

Явлением этого же ранга в античной Греции является философия, которая своим метафизическим содержанием указывает на один определитель (на пример, форма формы Аристотеля).

Такое миропонимание, правило миропорядка появляется позднее, во время тотализации христианской религии. В мир входит новое правило существования явления. Если “раньше” явление было обусловлено равноправным действием нескольких субъектов, то во времени, пришедшем на смену, все, что происходит, вызвано одним, исключительным субъектом и мир целиком включен в его биографию(3).

Здесь, в этой эпохе тоже, можно заметить несоответствующие явления, которые, так же, как трагедия и античная философия, сообщают другое(4).

В этой эпохе таким явлением, прежде всего является пантеизм, который сообщает, что все есть Бог, или, все есть в Боге (пан-ен-теизм - термин Коплстона). Такое расположение вселенной указывает на идентичность субъекта и явления. - Не субъект определяет явление, но субъект сам есть явление, ее параметры. Поэтому субъект и явление происходят вместе. Это расположение, структура, не выводимо из “хронического” восприятия мира. Поэтому не случайно “крещение” этих учении как ересей.

Найти явления этого типа не трудно. Для наглядности выделим два из них, которые своими содержаниями, формами, направлениями не “вмещаются” в существующие в то время тотальном и экс-тотальном мировоззрении. Эти два - малый текст грузинского монаха Иоанна-Зосима “Хвала Грузинскому Языку” и гелиоцентрическая система Коперника.

“Погребен язык грузинский до дня второго пришествия Его, для мучении, чтобы каждому языку возвестил Бог этим языком....

...Так как всякая тайна погребена в этом языке...

...И этот язык, благословлен ... от имени Господа, унижен ... ждет дня второго пришествия Господа...”

В мировоззрении, идеологии средних веков, нам не найти угол, в котором возможно без натяжки устроить эти фразы. Этот текст Иоанна-Зосима объявляет грузинский язык субъектом истории. История в этом трактате на одну страницу представлена как биография грузинского языка: история есть ожидание восстания грузинского языка. Это значит, что история в этом тексте является внутренним законом общего субъекта, и если бы не было этого субъекта, истории бы не существовало.

Здесь, на первый взгляд, незаметно отрицается уникальность конкретного человека, конкретный субъект-бог. Хотя по форме этот текст есть ожидание бога, однако на “первом” месте, даже по заглавию, поставлен язык.

Конкретный человек, несмотря на этничность, который в то время является предметом заботы христианского собора, не виден. Грузинский язык является общим, всеобъемлющим субъектом, и текст с одной стороны, указывает на преимущество этого общего перед другими общими (языками), а с другой стороны сообщает о новом порядке, в котором субъектами будут такие общие, и мир будет упорядочиваться по их взаимодействию.

Это яркое несоответствие, которое существует между парадигмой средневековья и подобными явлениями, “скоро” решается и снимается с

установлением той эпохи, которую зовут новым временем, эпохой науки и просветительства.

Новый порядок, который берет начало в просветительстве и в котором мы жили до последнего времени, подразумевает единство субъекта, явления и время-пространства. По этому мировоззрению все, что ни происходит, есть малая часть какого-то целого, общего. А это целое является единственным автономным существом(5).

В каждодневности эта парадигма принимает вид национализма; национализм есть ничто другое, как провозглашение нации субъектом истории, что значит сведение конкретного человека и других нации в подчиненный статус.

Как видно, в определенных точках истории рождаются явления, которых, в тот момент можно звать беспарадигмичными. Но, как мы видели, парадигмичность срочно включает ее в себя, - создает соответствующую парадигму.

Из вышесказанного ясно, что история представляет собой богатую почву для выявления специфических феноменов, которые для собственных сред являются другими. Эти факты должны свидетельствовать в пользу насилия, содеянном парадигмой и парадигмичностью.

* * *

“...с древними сказителями, которые определили, что животных-помощников должно быть три, и придумали наказания для тех, кто осмеливался нарушить запреты.”

**Антония С. Байет “Джинн в бутылке из стекла
“соловьиный глаз””**

Как будто мы подошли к цели, - обнаружили жертву, найти которую мы надеялись, разрабатывая специфический способ расследования.

Другой вопрос, является ли причинением ущерба, насилием превращение редкого в общедоступное; причиняется ли ущерб Аристотелю, или Копернику, если каждый знает об гелиоцентрической системе, или Иоанну-Зосиму, если почти идентичные его тексту фразы выкрикивают в любом углу мира? Разумеется, мы можем сказать, что ущерб причиняется уникальности, аутентичности. Но эти положения являются не аргументами, а “благими пожеланиями”. Поэтому предстоит расследовать, является ли такое действие парадигмы насилием, хотя бы по отношению к самой себе, или по отношению к существующей парадигме.

Оправдание парадигмы лежит в космогоническом мифе; Оказывается, что факт насилия не имел места:

В космогоническом мифе заведомо дана всякая позиция парадигмы; любая космогоническая история, будь то “Теогония” Гесиода, или “Попольвух”, начинается описанием неопределенной среды, в котором все (уже) существующее объединено и представлено как единый организм. Потом, из этого единства происходит один - создатель, бог, который начинает создавать богов(элементов)-помощников. После, взаиморасположением этих элементов (богов-помощников) создается вселенная(6).

Это значит, что насилие не имел места. В парадигме мифа уже даны все “другие” мировоззрения. В самом мифе, эмпирическое, чувственное выражение которого есть традиционность, существует возможность конструирования других истории. А сам космогонический миф можно определить как успешную попытку придания мифу прочной, традиционной основы.

Так как существует космогонический миф, то во всех эпохах есть потенция осуществления всех трех мировоззрений. Из этого вытекает, что идеология, центральное мировоззрение существует не абсолютно, а только тотально.

Каждый модус парадигмичности имеет свою слабость, которая в то же время является ее силой - всепроникающая способность мировоззрения. Тотальное мировоззрение (идеология) является тотальной, (т.е. эпоха является эпохой) из за того, что соответствующая парадигма становится вездесущей и чувственной данностью. Т.е. она подразумевается тотально, становится чувственно-аксиоматичной.

В это время, когда о ней уже не думают, так как она стала настоящей пара-деигма - всегда бывшей рядом - когда в мышлении “освобождается” ее место, начинается поиск нового мира.

Ступени и последовательность поиска определяется модусом парадигмичности, космогоническим мифом.

Так что “непарадигмичные” явления, которых мы обнаружили в истории, являются не другими, насилуемыми и съедаемыми парадигмой, но действиями, которые определены сценарием, обеспечивающим начало нового времени.

Хотя, в непарадигмичных явлениях существуют маленькие неточности - формы, происшедшие “слишком рано”; возможно появление предшественника третьей части в конце первой. Но это ни в кой мере не ущемляет действие парадигмичности. Во первых, как мы уже заметили, каждая форма парадигмы дана потенциально, т.е. рядом с центральной парадигмы всегда можно подразумевать существование маргинального, которое сокрыто и отброшено. Вместе с тем, эмпирически, на уровне идеологии, обязательно происходит забывание такого “появившегося” (напр. гелиоцентрическая система в античной Греции). Такие отступления свидетельствует не о преступности парадигмичности, а о поэтичности ее души, которая допускает малое отступление от “как будто” строгого сценария (что указывает на высокое искусство автора). Маленький диссонанс, появившийся в необходимой последовательности - что может быть лучше этого для оживания действия и возбуждения интереса у зрителей(7).

* * *

*“История сперва пишется а потом происходит”
Роберт Музиль “Человек без свойств”*

После этого предварительного расследования можно коснуться положения парадигмичности непосредственно в нашей среде.

Новое время, как было сказано, есть эпоха науки, которую можно назвать историческим (не-летописным) временем. Эмпирическим выражением парадигмы науки является национализм.

Национализм (так же, как модусы других парадигм), когда-то, еще в начале двадцатого века, стал эмпирически чувственным, само собой

разумеющимся и само собой понятным. На это, если угодно, указывает фашистский пик века.

Без националистической структуры, с начала XX века, не мыслились ни государство, ни конкретный человек.

Такие же явления сопутствовали очувствлению “прежних” парадигм: в конце средних веков, когда все виделось в призме религии, а также (наверно) в конце “собственно-традиционной” эпохи.

Это должно значить, что парадигма, которую парадигмичность показывала как последнюю, в последовательности собственных модусов, окончилась. Космогонический миф определил нам не только эту последовательность, но и исторический подход к вселенной; во всякой парадигме историчность дана в какой-нибудь форме, будь то описание начала традиций (мифа), или хроники и историко-научные труды, которые существуют в нашей среде.

Осуществление исторической парадигмы значит окончание актуальной нараций космологического мифа (потенциально он существовал в каждое время). Если мы проследим последовательность парадигм и полученную схему сравним с космологическим мифом, окажется, что следующая ступень есть “ничто”, “то что было до появления хаоса”, т.е. исчезновение, пустота.

Это же нам сообщали современные научные (физические) космогонии не так уж и давно.

Создается впечатление, что парадигмичность ведет сама себя к гибели.

Но это не так. Этот сценарий еще готовит нам неожиданный поворот. Для пояснения нужно оглядеться в нашей среде.

Сегодня, когда последняя, тотальная форма парадигмичности окончена, мы являемся свидетелями странных случаев; в нашей среде возможно наблюдать “живем” все три парадигмы. Рядом друг с другом сосуществуют мифическая (традиционная), религиозная (летописная) и научная (националистическая) парадигмы. Тотально не одна из них не существует. Все они имеют “равные права существования”. Мир больше не имеет центр. Центр, который обуславливает тотальность парадигмы. Из за техники центр существует везде, ибо информативно-коммуникативные устройства аннулировали пространство. В одно и то же время происходит освобождение пространства от границ и ее отрицание.

Это аннулирование - ничто другое, как замещение реального процесса уничтожения, катастрофы ритуальным исполнением: именно из за аннулирования параметров пространства (центр-периферия) возможно равноправное существование разных парадигм рядом друг с другом; парадигмичность “обнаружила”, что для актуальности парадигмы не требуется понимание центра (пространства). Правда, этим она теряет тотальность, которая до этого была ее необходимой чертой, но эта потеря целиком возмещается отводом катастрофы, ее вечным событием (эта есть та ситуация, которую Умберто Эко определяет как вечный переходный период, и которую пытается тотализовать Жак Деррида. Если Эко в этом случае является традиционным исследователем, таким же, как Бекон и Хайдеггер, “деконструктивизм”, этот новый вид философии можно назвать лишь лоббированием или адвокатской защитой).

Из за аннулирования параметров пространства, становится невозможным осмысление пространства, и появляются новые описания, которые гео-

ментально представляют мир, потому что мышление, среда и пространство не существуют отдельно. Не существование мышления определяется сомнением в трансцендентальность мысли, не существование пространства - тем, что ни карта ни оригинал этой карты, пространство-природа не существуют без комментариев. Они потеряли самобытное содержание. Единственно возможное описание мира есть гео-ментальная дескрипция, когда пространство в осмыслении собственных границ, а мысль - в пространстве собственного распространения находят свое утверждение и центр.

Вечное со-бытие катастрофичности значит вечное избегание катастрофы. Парадигмичность, которая мифична в своей сущности, достигает этого положения следуя лучшей традиции - с помощью ритуала.

Со-бытие ничто другое как пара-дигма. Парадигмичность, дело которой мы расследуем, есть вечное со-бытие катастрофы. Так происходит избегание реального конца. Ритуальное исполнение катастрофы происходит моделированием катастрофических ритуалов (которые никогда не кончаются катастрофой), криками о глобальной катастрофе (которое никогда не происходит). "Малые" катастрофы, которые осуществляются, в тот же миг аннулируются, теряют значимость в сравнении с неосуществлением общего и глобального(8).

Парадигма становится всеобъемлющей. В истории, т.е. в процессе осуществления парадигмичности еще возможно было освобождение (хоть иллюзорное) от всеобщего открытием и ориентацией на без-парадигмальное явление (как мы выяснили этот случай тоже был разыгран в парадигме). Сегодня такая ситуация исключена; Бунтовщик может только переходить из одной парадигмальной группы (которую современное мышление зовет неотрейбтом) в другое, потом в третье и так путешествовать бесконечно в погоне за мгновением свободы.

Парадигмичность аннулирует свободу, которая всегда была направлением к настоящей катастрофе. Этим снимается и отменяется реальность катастрофы.

Постепенно все, вслед катастрофе, исполняется ритуально. Парадигмичность показывает на собственном примере, что единственное оружие против гибели есть ритуальное действие (симулированное третьей степени Бодрияра) - ритуальное исполнение ритуала. Все служит этой цели; игра, техника, - вот два главных оружия парадигмичности, которыми она обосновывает себя, и этим помогает нам, сохраняет нам жизнь.

Этим последним рассмотрением выявилась еще одна черта парадигмичности: стремление к ритуальному исполнению собственной формы. Это направление кончается в многообразии лейтмотивов, похожем на оперу Вагнера, которая исполняется сегодня и в котором каждая парадигма на поверхности; у всех есть возможность следить за этими темами и включиться в них (что неизбежно).

Парадигмичность противостоит конечной катастрофичности ритуалом(9).

Парадигмичность защищает нас полностью, всесторонне заботится, создает нам уютный, приятный дом, в котором мы должны почувствовать себя хорошо. Она раскрывает перед нами представления (deigma); в какое из них мы бы не решили войти, везде почувствуем ее защищающее присутствие. Поэтому мы не должны бояться будущего (катастрофы). Будущего, которое закрылось

соответствующим заклинанием, ритуалом. Сейчас все определено и подразумевается в настоящем.

Ничего не случится такого, что уже не происходило, все происходит сейчас и это сейчас будет вечно.

Эти слова похожи на заклинание. Мы не должны сомневаться - это только ритуал, направленный на наше благо.

Эта картина, которая так похожа на несравненное алиби Гегеля, успокаивает и дает нам почувствовать уют среды. Несмотря ни на что, глобальное, гибельное происшествие не произойдет, все будет хорошо, границы, рамки сотрутся и все будем жить вместе, мирно, как братья(10).

Война, любовь, комплексы, разговор, все происходит в ритуале. Также, как очистились первобытные ритуалы и из кровавых жертвоприношении превратились в безобидные действия, то же произойдет в нашей среде - главное следовать парадигме и слушать ее голос.

* * *

“в герое совершается процесс, который можно назвать парадигматическим падением: два элемента, разделенные совершенно непреодолимой границей, неожиданно сливаются в одном лице: происходит невозможное соединение;“

Ролан Барт “S/Z”

Пока мы не смогли обнаружить след жертвы. Это значит, что насилие не имело места. Как видно, парадигмичность не только не насилует, но употребляет всю свою власть на аннулирование насилия, на перенесение ее в пространство ритуала, на снятие существующих болезненных противоречий.

Парадигмичность пытается исполнить ритуал всякого ритуала и этим действием отнять им значение и актуальность. Ритуал второго ряда осуществляется везде - все стремится к этому.

Каждую сферу человеческой активности можно рассмотреть как ритуал, из за его интересубъективного характера, который зафиксирован, с одной стороны, а с другой стороны отделен и обработан детально. На этом фоне - когда существует книга об установлении дружбы, книга о сексе, разные технические усовершенствования, которые лучше и эффективнее исполняют “первоначальные” действия - действие превращается в ритуал ритуала, который более приятен, более хорош, происходит без изъянов. И что главное, всегда существует возможность спрятаться за ритуальностью второго ряда; обвиняя в неосуществимости не себя, а технику, которая не совершенна, или спрятаться в формуле игры (игра, которая предоставляется нам от компьютерных игр, до современных спортивных состязаний, ничто другое, как мета-ритуал, ритуал ритуала, который исполняется выделением-гиперболизацией какого-нибудь момента от “первого”, интересубъективного ритуала; так, компьютерная игра становится проекцией внимания, реакций и деструктивности, в спорте - обрабатыванием какой-нибудь физической или умственной активности и т.д.), сказать что все игра и назвать авторитетами Шекспира и Хеизингу.

Но во время путешествия в мире, в котором не обнаружилось ничто кроме парадигмичности, проскользнуло что-то, которое, на один взгляд, является простым феноменом парадигмичности и ничем не отличается от других.

Перенесением обсуждения и расследования на уровень ритуальности, что-то “обнаружилось” в углу парадигмичности, отброшенное как обыкновенное старье, которое жалко выбрасывать из за воспоминаний детства. И это что-то есть сказка.

Сказка почему-то не “награждена” ритуальностью второй степени, несмотря на то, что считается существующей почти со времени первой парадигмы.

Это уже основа сомнения. Почему не происходит в нашей среде ритуальное проигрывание сказки заново, неужели из за ее несерьезности?

Парадигматичность проиграла (сыграла) все, ничто не ушло от ее заботливого взгляда. Но, не происходит новая разыгровка сказки, как таковой. Или, происходит, только незаметно для нас.

* * *

*“...кто победил - не помню.
Должно быть греки: столько мертвецов
Вне дома могут бросить только греки”
Иосиф Бродский “Одиссей Телемаку”*

Сказка создается на границе парадигм, когда форма мифа заканчивает существование и на горизонте видна религиозная, т.е. летописная эпоха. В точке перехода из одной формы парадигмы в другую создается уникальная ситуация; еще не окончена тотальность одной парадигмы, а уже активизируются черты следующей. Тотальная парадигма становится эквивалентной чувственному миру: ее можно увидеть-почувствовать во всем и везде. Эти восприятия перекрываются сверху интеллектуальной сетью будущей парадигмы: можно сказать, что в это время между собой борются интеллектуальное и эмпирическое: новые формы имеют претензию на новую чувственность, а существующие восприятия мешают этому всеми силами.

Вполне возможно считать сказку отражением этой маргинальной ситуаций. В отличие от парадигмальных феноменов она указывает на собственную нереальность. Персонажи, которые до этого принимали участие в законосозидании (в мифе), здесь превращаются в участников летописного происшествия. Случаи мифа, которые не со-бытиивствуют в этом мире и которые были как существующие где-то за, рядом с происшествиями, перешли и начали существование в чувственном мире.

Но сказка всегда “заявляет” что эти новые жители, целый мир, о которых и о котором она рассказывает, нереальные.

Можно сказать, что сказка маргинальное существо. Она создается точно там, где периметры реальности теряют твердость и где два мира сталкиваются. Сказка до сих пор носит в себе следы этого столкновения; в одно и то же время она является летописью (содержание волшебной сказки есть биография героя) и мифом (персонажи суть жители мифа).

О структуре и содержании сказки написано много. Для нас главное то, что все сказки, в каждом углу мира имеют одни и те же измерения.

Сказка никогда не умирает (разве что на страницах научных трудов); она твердо заняла место в воспитании детей. Со дня появления сказки, каждый ребенок слушает истории, которые имеют одну и ту же структуру. Можно сказать что они радуются и горюют одинаково, и потом, когда становятся большими, одинаково считают содержание сказки нереальным и несерьезным.

Обострение внимания на сказку происходит в маргинальных ситуациях. На границе религиозных и научных эпох этому пример труд братьев Гримм. Маргинальная расстановка “подсознательно” направляет человека на сказку, как на старого знакомого, которая соответствует новой ситуаций и поэтому становится более близкой и ценной.

Сказка не умирает никогда, несмотря на “невнимание”. В каждой стране (кроме племен, живших в эпохе мифа, для которых еще не настала время сказки) любому ребенку рассказывают сказку.

Такое настойчивое повторение, исполнение одного и того же в течении веков, значит, что сказка является чем-то значительным для парадигмичности и ее роль гораздо превосходит роль успокоителя и дидактика.

Эта вечное повторение указывает, что сказка есть ритуал, который исполняется парадигмичностью. Ритуал, как нам стало известно из “краткой истории парадигмичности”, исполняется как повторение чего-то (“языческие” ритуалы повторяют мифические явления, т.е. переносят действия в то пространство, которое вызвало эти действия. Целью ритуала является или поддержание или деструкция, разрушение чего-то. Магические ритуалы, которые дошли до нас и исполнению которых сегодня ничто не мешает, носят в себе обе эти функций(11)).

Сказка, если она является ритуалом, должна быть направлена на что-то. Сказать, что она является заклинанием, направленным на осуществление новой парадигмы, не будет исчерпывающим ответом: в этом случае должно быть известно по крайней мере два вида сказки, которые осуществились одна после другой, и они должны чередоваться в соответствии с маргинальными ситуациями, т.е. сперва должна существовать волшебная сказка, и потом, во время перехода в эпоху науки, ее должна заменять бытовая сказка.

Но, обе эти формы существуют вместе и создаются вновь и вновь в новых вариациях. Может быть это и есть цель сказки, как ритуала, но сохранение и бытие сказки в немаргинальных эпохах вынуждает нас искать настоящую цель заклинания в другом месте

* * *

*“...Очарованная деревня, волшебная гора,
мир моря: Лос-Анджелес окружен этими
“воображенческими станциями”,
которые питают реальность, энергию
реальности того города, тайна которого
состоит лишь в том, что она
ничто другое как сеть непрерывной,
нереальной циркуляции: город с
пропорциями фавулы, но
без пространства, или измерения”.*
Жан Бодрийяр “Симулякры и симуляции”

Сказка не есть ритуал направленный на осуществление-неосуществление чего-то. Начинаясь она сообщает нам, что мы имеем дело с нереальным, ненастоящим.

Мир, который описывается в сказке, создан не для существования когда-нибудь, но для какой-то исключительной цели. В этом мире в одно и то же “время” сосуществуют различные расположения чувственных содержания нашей среды. Поэтому, можно сказать, что сказка объемлет всякую форму парадигмичности. Их единство создает странную среду, которая ничто другое, как здание построенное из блоков тех домов, в которых мы живем и жили когда-то. Волшебностью и странностью сказки является как раз это волшебное взаимосоответствие различных стен и камней этих домов. В построенных таким образом домах происходят пришествия, о которых нам рассказывают в детстве.

Почему создается такая среда для исполнения ритуала, мы пока не знаем. Остальные ритуалы парадигмичность приводит в “обыкновенной” среде.

Раз мы не нашли цель, причину этого ритуала, заклинания снаружи, мы должны поискать их в ее содержании, в правиле ее осуществления;

В сюжете волшебной сказки можно увидеть “интересную” закономерность: она всегда является борьбой добрых и злых сил. Добрая сила персонифицировано в благородном и сильном герое, злое начало - в чудовище, драконе. Чудовище может быть абсолютным, который сидит у родника, или релятивным - волшебником, который превращается в чудовище для борьбы с героем.

Борьба с героем происходит не только в сказке. Сказка по наследству получает этот конфликт от мифа, и по этому же закону передает его рыцарскому роману. Это сражение происходит и в наши дни, в парадигмальных феноменах, но в нашем случае она прячется в тени метафоры(12).

Борьба с чудовищем одна из главных тем культуры, лейтмотивом которой является сказка. Сказка является вечной обителью этой темы, темы, которая в разных местах оживляется и развивается по надобности.

Парадигмичность со странной устойчивостью проводит этот ритуал “от начал”. Не происходит никакая модификация, перекрытие, отрицание. Все мы учим этот ритуал в первую очередь. При столкновении с непреодолимым препятствием на ум приходит (среди других) и эта метафора борьбы. В наших представлениях чудовище всегда стоит на пути героя, и для победы добра и порядка нужно убить-изгнать дракона.

* * *

“Значимые другие являются главными агентами поддержания субъективной реальности в индивидуальной жизни”

Бергер, Лукман “Социальное Конструирование Реальности”

“Возьмем голову овчарки, прибавим к ней кошачьи глаза, уши совы, нос борзой, брови льва, виски старого петуха и шею водяной черепахи....”

Этим описанием, которое принадлежит Леонардо да Винчи, становится ясно, что чудовище состоит из частей разных существ, которые связаны гармонично, и создают одно исключительное целое.

Каждое существо, чьи атрибуты “одалживает” чудовище, определено и привычно. Собака, лев, петух, черепаха, каждый из этих феноменов расположен в нашей среде и воспринимается как принятое и домашнее. В чудовище эти привычные черты предстают в странном расположении.

Чудовище состоит из парадигмальных феноменов. Каждый нюанс этого организма можно определить знакомой парадигмой. Но сам дракон-чудовище есть иное, чем механическая совокупность этих парадигм. Оно представляет целое, в котором ни одна из ее частей не теряет самость, но, несмотря на это, они вместе представляют существо(13).

Чудовище сообщает нам о принципиально ином бытии. Объединением в самом себе различных парадигмальных феноменов, оно указывает на другое существование, которое не осуществляется и не может осуществиться в этой парадигмальности; такое объединение означает катастрофу.

Здесь уже можно усомниться в необходимости и всеобщности парадигмы. В течении веков она предоставлялась нам как единственная и необходимая, и притом такая, которая может сохранить нас от катастрофы.

Чудовище говорит нам, что возможно бытие по-другому, которое, может быть, отдалит нас от вечного ритуала катастрофичности(14).

Чудовище является тем существом, которая насилуется парадигмой в течении веков. Оно есть другое, осуществлению которого противостоит парадигмичность. Но, ритуал, тянувшийся в течении веков указывает нам, что чудовище не умерло.

Парадигмичность имеет опыт ритуальной борьбы, что успешно осуществляется в связи с катастрофичностью; каждодневное разыгрывание катастрофы анулирует ее и отводит ее от нас.

Парадигмичность пытается предоставить нам чудовище как катастрофу. Но если чудовище и в правду катастрофа и больше ничто, должен существовать ритуал ее каждодневного осуществления, а не убийства. Это указывает, что чудовище и катастрофа не явления одного ряда.

Чудовище есть указатель окончания парадигмичности. Оно указывает нам на другое существование, возможность чего, как выясняется, существует, и существовала на протяжении целой истории парадигмичности.

Уже становится понятным, почему создается сказка на границах парадигм; опасность осуществления чудовища существует как раз в маргинальной ситуаций. Тогда, когда разрушен иерархический диктат тотальной парадигмы по отношению к “побочным” явлениям, когда перемешиваются центр и периферия.

Поэтому именно на границе обязательно проведение ритуала убийства дракона; до этого эта борьба происходит в мифе - герои успешно убивают чудовищ. Но когда центр спотыкается и тотальное расположение больше не подразумевает убийство дракона, парадигмичность создает специальный, универсальный ритуал - сказку.

Парадигмичность создает для дракона среду, знакомое пространство, которое как и чудовище, состоит из разных форм чувственности. Этим парадигмичность хочет поймать двух зайцев - с одной стороны она создает среду чудовища (т.е. парадигму) а с другой стороны убивает дракона в этой среде.

Но как мы уже заметили, вечный ритуал убийства дракона указывает на недееспособность этого ритуала.

Чудовище не заключается в этой парадигме. Напротив, оно объемлет всякую парадигму и показывает себя как превосходящего всякую парадигму, т.е. парадигмичность вообще. Поэтому сказка, функцией которой является быть парадигмой дракона, не захватывает его полностью.

Парадигмичность была вынуждена постановить концом сказки (после убийства чудовища) возвращение героя: различные миры, в какую сторону он бы не пошел, в конце концов приводят сюда, в то бытие, откуда ушел герой искать дракона, и где он поселится в конце концов. Такой путь подразумевает первичность определенной среды, тотальность определенного мира.

Если парадигмичность выработала бы другую структуру сказки, т.е. полностью исключила бы момент иерархичности (напр. герой не возвращается, сказка не заканчивается) тогда она убила бы дракона, но в тот же момент появился бы другой дракон (такая ситуация зафиксирована в китайских сказках, но, какой-то герой обязательно возвращается домой. Герой который победил дракона, но не остался в пространстве чудовища), или сама парадигмичность превратилась бы в дракона.

Парадигма боится дракона и поэтому не убивает его полностью. Это дает надежду обнаружения дракона. Если он не умирал, он каким-то образом должен присутствовать как в истории, так и рядом с нами, хоть в ущемленной, измененной форме. Актуальность сказки указывает, что дракон существует, преследуемый парадигмичностью, которая идет по его следу и проводит заклинания против его.

Чудовищем может быть как человек, так и случай. Обнаружить его не представляется трудным, если мы проследим соответственный ритуал уничтожения; такой ритуал может быть двояким: или полное забывание, которое заставляет дракона исчезнуть, или, каждый миг предоставление того, кого надо уничтожить, перед глазами, что вызывает тот же эффект.

Первый заметный дракон, который расположен около сказки, есть игра. игра, которую играет ребенок, пока эта игра превратится в единство определенных правил и законов. Ребенок играет "беспорядочно". все, что он воспринимает и является его миром, в игре объединяется гармонично и представляется одним сущим. Эта игра есть то, что изначально запрещается парадигмичностью, актуальными выразителями коего являются родители и воспитатели; "лучше, чтобы ребенок играл полезную игру, или послушал сказку". эта фраза, безусловно, является следствием заботы и дум о наследниках, но, вместе с тем, это есть заклинание, наложенное

парадигмичностью, которая призывает детей и взрослых к изучению убийства дракона.

Заклинание которое в конце концов превращает игру в технику и в техническое, в ритуал, который служит совершенствованию чего-то и обладанию чему-то. На бессмертие дракона указывает “первичная” игра, забивание чего происходит вскоре после начала актуального выражения.

Чудовищем может быть какой-нибудь философ, например Гераклит, - пестрота и неупорядоченность его фрагментов может указывать на это. Мы также должны заметить, что онтологическо-диалектическая интерпретация, которая превращает Гераклита лишь в историческую ступень, и есть ритуал уничтожения, который успешно исполняется обманутыми-подкупленными философами со времен Гегеля (Аристотеля?).

Чудовищем может быть какая-нибудь фраза, положение, которое забыто и завуалировано. Возможно, наблюдательным исследованием обнаружится, что мы окружены чудовищами(16).

* * *

*“...мы обнаружили, что дорога из белого камня,
по которой мы шли, является хвостом дракона”*

Г.К.Честертон

На первый взгляд дракон похож на нашу среду; в нашем мире, также, как и в чудовище, сосуществуют парадигмы разных видов, безо всякой иерархии. Но “главнейшая” черта дракона не эта многообразность, а исключительная внутренняя связь, которая создает иное, другое существование из этой многообразности. В нашей среде исключена такая связь; эта разобщенность, хаотичность является обязательной частью ритуала катастрофичности, без которой парадигмичность кончит существование исчезновением.

Мы находимся в истинно сказочной среде. Также, как и сказка, наша среда состоит из чувственных форм различных парадигм, и среди них для нас (также для других) главенствуют те, в которых живет каждый из нас (также каждый из других).

Такая среда, из за ее сказочности, отмечает, подчеркивает нереальность и не значимость окружающего. Сказочность, сказка которая осуществлена ритуальным исполнением ритуалов, есть гарантия, что родившееся здесь чудовище будет восприниматься несерьезно и в конце концов будет уничтожено(17).

Этим невниманием и презрением чудовище околдовывается. Чудовище, рождение которого никого не удивляет (тем более, когда не существует зеркала, в котором дракон увидит свою чудовищность), верит в свою заурядность и обыкновенность, и так как в нем дана всякая форма, становится одной из парадигмальных форм. Чем больше пребывает чудовище в этой одной форме, тем труднее становится возврат-обнаружение ее настоящей сущности. - Другие парадигмальные содержания атрофируются и они превращается в простой феномен.

Эта есть хорошо просчитанный и вместе с тем отчаянный последний шаг пардигмичности. До “нашей среды” не происходила очная встреча с драконом;

парадигмичность всегда имела готовую тотальную парадигму, с помощью которой она отбрасывала дракона на периферию. Сегодня тотальной парадигмой, если вообще можно о ней говорить, является сказка, в которой чудовище - центральный персонаж. Не случайно и то, что в наше время начали создавать “пародийные” сказки (злой не является злым и в конце концов обязательно исправится, или в таких “детских” сказках вообще отсутствует необходимость со-бытия зла).

Двусторонняя политика парадигмы, которая направлена на превращения всего в ритуал и на ритуальное убийство дракона, объединилась; чудовище оказалось в том ритуале, который является единственной реальностью.

Мы окружены оборотнями, которые с одной стороны обыкновенные парадигмические феномены, а с другой - чудовища. Если всмотреться хорошо, можно увидеть дракона. Другой вопрос, произойдет ли так расколдование чудовищ.

Напрасный труд искать дракона на уровне структур, идей и парадигм. Форма, идея, парадигма - суть явления парадигмичности. чудовище проскальзывает между ними(18).

Оборотни должны существовать в каждой сфере активности человека. Не имеет смысл строить универсальное заклинание, после прочтения коего из неба, из книги, из дома, из нас самих начнут выходить драконы, не имеет смысла. Забота о таких парадигмах бросит нас снова в парадигмичность, которая является царством законов и правил.

Каждого дракона нужно расколдовывать по отдельности. А это, прежде всего, дело конкретного человека. Но не того человека, о котором говорит экзистенциальная философия или герменевтика - рассуждая о конкретном они добываются отмены.

* * *

“\$:”””””(?)”(?)_(_
789”?)”(?)_(_)(_)”(ЙИУ”
Э;<ЭБЖ

Парадигмичность оказалась насильником. Философия - одной из помощниц в этом деле. С помощью философии подкупленные или обманутые следователи или адвокаты устанавливали насилие везде и во всем (кульминацией этого установления является деконструктивизм, который способствует множественности дискурсов /насилия/. В последствии всякое место превращается в место насилия /дискурса/)(19).

Парадигмичность “поверила” своему же созданному закону и так как ее алиби создавали конкретные люди, она не побеспокоилась о других.

Философия должна искупить свою вину и оставшееся время употребить на расколдовывание драконов. Но, это расколдовывание должно случиться не мышлением о конкретном (такое направление, как мы видели, обязательно приводит к созданию алиби парадигмичности), но разговором о том, что парадигмичность оставляет “без присмотра”, как цену за всемогущество и всепроникновенность(20).

Примечания:

1. Парадигма - *para* - рядом, *deigma* - пример, образец, показывание - есть то, что стоит рядом с явлением, происшествием и показывает, утверждает его как пример и образец. Она дает феномену силу быть образцом. Такое присуждения власти размножает образец, пример и превращает его в определитель явления, обязательное правило происшествия.

Парадигма предстает как правило, закон, по которому располагается среда и по которому что-то происходит в нашей среде.

По такому определению, парадигмы являются законами вселенной, мифами, всем тем, что определяет правило осуществления происшествия.

Парадигма - *para* - рядом, *deigma* - представление, ярмарка, есть то, что стоит рядом с представлением, видимым и объясняет их. Т.е. определяет их восприятие таким образом и не по другому. В этом случае парадигма является мировоззренческим феноменом, то что есть основа мировоззрения, или основа определенных интерпретаций встречающихся в мире.

Примерами этого модуса парадигмы являются исторические эпохи. Даже при самом поверхностном рассмотрении история представляет путь человечества тремя периодами; античность, средние века, новое время. Основой разделения развернутых во времени человеческих активности являются различные мировоззрения. Опираясь на эти мировоззрения люди разной эпохи по разному воспринимают мир.

Сопоставлением этих разных значений парадигмы, утверждается, что парадигма есть стоящая рядом с существующим, тем, что принуждает существующее быть таким, а не другим. Это принуждение осуществляется бытием рядом с явлением и представлением, вечным контролем. С одной стороны парадигма есть сценарий, а с другой стороны, нечто, которое следит за точным осуществлением этого сценария, та, которая всегда есть рядом с явлением.

Так как парадигма вездесуща и всюдупроникающа, она должна представлять собой общий феномен. Но, в то же время существуют конкретные парадигмы, будь то законы или мировоззрения. Поэтому, если мы не хотим впасть в “смешение понятий”, это общее далее будем звать парадигмичностью.

Парадигмичность (существо, которое контролирует и заботится о собственном осуществлении), как видно, выражается тремя “формами”; 1.Парадигмичность сообщает нам, что вселенная происходит по парадигмам (законам). 2.Парадигмичность сообщает, что мир есть чередование парадигм. 3.Парадигмичность сообщает, что парадигма есть необходима и обязательна.

Пойдем по следу каждой из этих положений и посмотрим, как происходит их осуществление, как происходит вхождение в нас этих трех “правил”.

Осуществление первой “формы” начинается с создания мифов (что “происходило” до того, невозможно постичь, найти след случившегося и пойти по нему). Первая данность нашего опыта есть миф.

Миф есть пришествие, которое осуществляется в определенном пространстве всегда, без принятия во внимание течения времени, силой нескольких равноправных субъектов. Например, миф Персефоны есть случай, участвующие в котором персонажи определяют смену времен года. Это происшествие происходит каждый год.

Миф является примером, образцом, по которому происходит соответствующий феномен.

Такая же структура есть и у того, что в нашей среде называется законом; каждый закон ограничивает пространство собственного действия и происходит в нем,

несмотря на Время. Т.е. закон является примером, по которому происходят, или должны происходить соответствующие явления.

Законы (наверно, также как и мифы) “открывают”. Но то, что дает средства для такого расположения, что принуждает нас смотреть на мир как на ожерелье, космос, или как на ткань, текст и подразумевать в них “до конца” существование законов, есть парадигмичность.

Парадигмичность указывает, что все происходит по какому-то правилу, которое стоит рядом с каждым явлением и утверждает его как пример, образец, как одну из частных выявлений.

“Другая” форма парадигмы действует на ином уровне. Ее сферой является измерение человеческих взаимодействий и общении. Т.е. пространство восприятия представления, ярмарки. Ярмарка то место, где все представлено, от мануфактурных изделия, до театрального представления. Такая пестрота и многообразие хорошо передает характер, содержание среды. Среда, которая должна упорядочиться и устроиться, хоть для того, чтобы гость ярмарки не потерялся и нашел дорогу в толкучке.

Роль путеводителя, гида в ярмарке мира исполняет мировоззрение. путешественник, вооруженный этим “вестником” защищен от неожиданностей и знает, в какой ее части что его встретит. Мировоззрение указывает своему носителю что делать, что купить, на что обратить внимание и что посчитать незначительным.

Как мы уже заметили, мировоззрения можно объединить в трех “типах”, по существующим эпохам; этим трем представлениям соответствуют три исторических периода - античность, средние века и новое время. Этим трем “путеводителям” можно назвать “мифом”, “религией” и “наукой”.

Каждая из них имеет собственные правила описания, и следовательно, понимания представления, отличные от других. Но вовсе не обязательно, чтобы на какой-то одной ярмарке каждый имел в руке один и тот же путеводитель. Вполне возможно, чтобы кто-то ходил с двумя или с несколькими “путеводителями по... “. В этом случае он напоминает туриста-библиофила, которому жалко выбрасывать старые буклеты после выхода новых. Его опытный глаз замечает те знаки, которые не повторяются в новом путеводителе, будь то аннулированный маршрут, или разрушенное здание.

Пока выяснилось действие парадигмичности и с этой стороны; она состоит не столько в существовании какого-то конкретного мировоззрения, а в необходимости мировоззренческой “интерпретации” представления как такового: “перед тобой три книги, выбирай любое!”

Таким образом выясняются две сферы активности парадигмичности, которые вместе создают вселенную. При таком рассмотрении для парадигмы не остается другого места для действия. Третья форма, как мы заметили в начале, есть не феноменальная характеристика парадигмичности, а правила ее существования, которая сообщает, что парадигмичность является сценарием.

Парадигма - рага - рядом, deigma- пример, образец, представление, ярмарка - этим обсуждением предстает как нечто-некто, стоящий рядом с явлениями и случаями, их со-бытием и определителем.

Сценарий заведомо устанавливает план действий, принимает во внимание все, всякую возможность, нюанс, дает детальное описание того, что должно случиться. Сценарий не является планом - общим чертежом, в который должен попасть будущий случай, и не резюме - информацией о главной идее.

Сценарий есть точный и непререкаемый определитель, который устанавливает взаимораспределение явлений как рядом, так и после друг друга.

Парадигма как сценарий требует неукоснительного подчинения. На первый взгляд, это требование должно быть лишним; Если парадигма с одной стороны

предстает как законы и мифы, а с другой стороны, как мировоззрения, то в нашей среде больше ничего и не существует. Таким обсуждением, парадигма есть необходимая обязательность, без которого ничто не существует и не следовать ей не представляется возможным.

Но обширный опыт расследования и хождения по следу, подсказывает, что чрезмерное утвержденное алиби, настойчивое указывание на невиновность, всегда вызывает сомнение и всегда создает настроение искать что-то, по ту сторону этого неразрушаемого алиби, на один взгляд невозможное преступление, которое содеяно носителем алиби, и которое мастерский скрывается за “невозможностью другого варианта”.

Сценарий, который мы описали, есть насилие над явлениями, ведение их лишь одним, определенным путем и исключением других направлений. Так как парадигма основными параметрами совпадает со сценарием и сценичностью, возможно, она содержит в себе момент насилия.

Из историй философского исследования свободы нам известно ее определение как осознанной необходимости. Возможно, что это тоже является созданием алиби для парадигмичности, которая прячется за спину большого авторитета Гегеля. Возможно, явлениями такого же ряда являются те рассуждения, которые рассказывают, что свобода есть свобода от чего-то (Гартман), или от ман-а (Хайдеггер). Также одно из основных направлений современной философии, которое работает для аннулирования центрального дискурса и объявляет движение в эту сторону единственным возможным выходом (Дерида).

Возможно, на фоне рожденного сомнения, все эти положения рождены, сознательно или бессознательно, желанием создания алиби парадигмичности.

Мы должны учесть и то, что “реально” никто не вызывал парадигмичность в суд. Крик до “суда”, призвание авторитетов, утверждение, что насилие не имело и не могло иметь места, потому что объект насилия не существует и не может существовать, дает повод к размышлению.

Поэтому это расследование должно начаться. Вполне возможно, что парадигмичность окажется невиновной. Такая детективная хроника нам известна в лице работ Мартина Хайдеггера, который с традиционной скрупулезностью исследует дело понимания бытия, дошел до глубин. Заключение, которое является венцом этого глубокого и основательного расследования, сообщает нам, что не существует другого понимания бытия, да и не может существовать. Это значит, что факт насилия не имел места.

Как-будто все ясно. Но расследование все-таки нужно провести. Но не хождением по тем следам, что уже исследовал немецкий философ. Смешно сомневается в этой логике и пристрастности этого расследования. Мы должны исследовать не путь парадигмичности, а след другого, который, если существует, обязательно обнаружится как жертва насилия. Т.е. мы должны обнаружить то другое, которое не умещается ни в одной ее модели, ни в одном ее дискурсе, в ее процессе. Расследование должно быть направленно, прямо и бесповоротно, на искание потерпевшего. Если не существует это другое, то этот факт еще один раз утвердит невиновность стоящего рядом с нами.

2. Миф есть мир, где действуют равноправные субъекты. Но этот субъект является не “каждым”, но как раз тем, который, вместе с другими участвует в этом происшествии наряду с другими.

Для нас из этой эпохи самой близкой является античная греческая культура. Если мы оглядимся внутри этой культуры, обнаружим, что в этой как будто абсолютной мифичности внезапно появляются явления, которые никак не вмещаются в существующий сценарий и сообщают нам о другом порядке.

3. Такова религиозная картина мира. Вселенная описывается как выражение действия Бога на разных уровнях бытия. Разумеется, существенное изменение происходит и в

“индивидуальном”, каждодневном мировоззрении; правило жизни уже не диалог, или полилог, но монолог. Внимание переносится на конкретный субъект (см. хроники и рыцарские романы, также - житие святых).

4. Может в этой первой, или вернее в перво-постижимой новости-разнице лежит львиная доля загадочности и прелести античной философии, которая ощутима и сегодня и которая толкает нас к вечному возвращению.

5. Результат такого мировидения есть наука (или наоборот _ для этого не имеет значения, как эмпирически происходили эти структуры). Наука требует раз и навсегда установленного субъекта, для исследования которого она обращается к своим силам. Такой субъект, по новому мировосприятию, есть вселенная. Разные науки изучают, как раз историю разных частей этого предмета (историю, потому что нельзя представить другой вид научного исследования, т.е. исследования, которое родилось в кругу этого мировидения. Только знанием происхождения, развития и конца предмета дается нам научная сущность исследуемого).

6. В чередовании этих структур можно обнаружить всякую форму парадигмичности; Первое расположение совпадает с научным, или историческим мировоззрением, которое представляет мир как единый организм и которое считает лишь это единство достойным быть субъектом истории. Второй “сюжет” тождествен религиозной, или летописной идеологии, в котором конкретный субъект объявлен создателем историй и действующим в нем. В третьем случае мы видим устройство мифа, по которому мир есть следствие действия нескольких равноправных субъектов.

7. Такие временно непарадигмальные явления должны существовать во всякой истории. Разумеется, это обусловлено космогоническим мифом. Там, где не дана такая форма нарративности, нельзя заметить непарадигмальные феномены. Такую культуру, с одной стороны, можно считать окаменелой формой, а с другой - полным формальным выражением парадигмичности, тем случаем, когда парадигма, в одно и то же время, одними и те же формами, одними и те же феноменами, является и законом, и мировоззрением.

8. В нашей среде реально дан всякий знак и модус, всякая форма парадигмичности. Т.е. она осуществляется полностью, становится рядом и становится осязаемой. Не существует положения, описываемого в нашей среде и которому нельзя было бы подыскать парадигму.

9. Парадигмический опыт парадигмичности свидетельствует об отводе того, что существует за пространством ритуала посредством ритуала. Этот путь является безотказным средством-лекарством чтобы не попасть в опасное положение и достичь искомое.

10. Это не только слова; стирание границ между европейскими странами и обнаружение на горизонте интер-научных дисциплин есть безошибочный знак начала этого процесса.

11. Ритуал есть действие для активации, успешного окончания чего-то, тогда, когда не возможно непосредственно вмешаться и стать непосредственным участником события. Т.е. ритуал с одной стороны знаменует бессилие, а с другой стороны, жгучий интерес (как мы уже видели, в связи с парадигмичностью и катастрофичностью; парадигмичность не может ничего сделать с катастрофичностью, так как она появляется изнутри парадигмы, как часть и “логическое” последствие парадигмичности. Поэтому парадигма исполняет ритуалы катастрофы, чтобы вечным повторением имени создать иллюзию катастрофы и этим отвести реальный конец, превратить катастрофу в незначительное и неосуществимое).

12. Поединок с драконом превратился в знаменатель политических процессов; можно бороться с чудовищем фашизма, с чудовищем темноты, и в конце концов, с Левиафаном.

13. Такое единство парадигм принципиально отличается от последнего расположения парадигмичности, которая наблюдаема в нашей среде: как мы уже видели, в нашей

среде дается всякая парадигма, но не происходит объединение их в один организм. Напротив, такая данность устремлена к максимальной разъединенности и разобщенности. Эта направленность и есть как раз тот ритуал, который происходит во вред катастрофы. Катастрофа ведь ничто другое, как потеря-аннулирование центра и самостоятельное дрейфование в пустом пространстве.

14. Это указание создано не “вчера”; чудовище является таким же старым персонажем нашего бытия, как миф. Также, одна из старейших тем культуры - убить-запереть дракона, (которая должна обязательно осуществиться, до того как появится иерархия богов), ритуал который осуществляется и в наши дни. Парадигмальность усердствует в проведении этого ритуала.

15. Из-за этой ущербной тюрьмы, которую создала парадигмичность для дракона, убийство не осуществляется. Если бы не это, зачем тогда это настойчивое употребление этого ритуала.

16. Но это лишь исторический интерес и он не приведет нас ни к чему новому. Мы должны посмотреть, что происходит сегодня в нашей среде, как обстоят дела с парадигмичностью, чудовищем и заклинанием.

17. Наше существование, которое призывает к терпимости и к “диалогу культур”, есть последняя западня, которая парадигмичность устроила против дракона, последнее средство, которым она надеется победить чудовище. В нашей среде, которая принципиально ритуальна, реально происходит осуществление сказки. Это то пространство, в котором должен умереть дракон полностью и в конце концов. Чудовище, говорит нам парадогмичность, есть война, мафия, национализм, которых мы должны победить терпимостью, направленностью на новый порядок. Таким разыгрыванием сказки, противопоставлением себя этим псевдо-драконам (которые явно имеют парадигмическое происхождение), удастся включение мира в этот псевдо-поединок, в этот ритуал n-ного порядка. После этого настоящий дракон, который рождается и есть, остается без внимания.

18. Таким оборотнем является “Хроники Амбера” Роджера Желязны, который сумел уйти из Fantasy (тотальной формы современной сказки); аннулировал окончание, возвращение и превратил рассказ в принципиально нескончаемый.

Такой же оборотень - Инфляционная Космология, которая уходит от нескончаемого утверждения конца мира, которая свойственна классической теоретической физике, и устанавливает правилом мира бесконечность и безначальность. В таком мире вечно создаются все новые микро-миры, имея разные направления и различные законы.

19. Философия, которая говорила о трансцендентальной аперцепции, о Da-sein, оказалась дискредитованной в следствие этого исследования. С помощью философии парадигмичность съела все, что было известно под именем общего и всеобъемлющего. Но ее всемогущность в то же время оказалась ее слабостью. Она забыла, что не смогла достать конкретного человека, не Da-sein-a, а какогонибудь X или Y, личность с конкретным именем и фамилией, который, так как был объявлен частным случаем упомянутого общего, был защищен от ударов парадигмичности.

20. Философия должна говорить о конкретном человеке, из конкретного человека. Она должна описать не Da-sein, или “какой-нибудь” субъект, или такой субъект, в котором происходит объективация чего-то (напр. философии), но, возможно, о Роджере Желязны, или Иуде Искарите.